

В конце 80-х задумки у нас были совсем другие. Я чувствовал себя во временной командировке и внутреннее состояние имел такое, что заслан как Штирлиц. Заслан в новое время, в новые отношения и с переделкой человека — такой вот голливудский триллер.

Теперь я тоже себя чувствую посланцем этого нового времени — но уже совсем в другой атмосфере. Где нужно дышать азотом, сероводородом. И в общество опять вернулся страх.

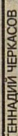
Перечисляя щедроты судьбы, сам удивляюсь: "Какие люди, были, блин! Дела какие были — что ты! О них не создано былин. Но сохранились анекдоты".

Я был близок с лучшими женщинами российского века. С Майей Михайловной Плисецкой, с актрисами Таганки, с Беллой Ахмадулиной. А уж мужиков и перечислить нельзя.

Мой крестным отцом в литературе был добрейший человек и храбрейший офицер Валентин Овечкин, написавший "Районные будни". Армейский полковник Александр Трифонович Твардовский правил меня самого очень бережно. Я шесть опусов напечатал в его "Новом мире" — пока из "Правды" меня не погнали за **11** сотрудничество с журналом.

Юрий Петрович Любимов — мой наставник в искусстве и в гражданском мужестве. Дай Бог ему долгие лета. Он меня пригласил и определил в худсовет театра. Таинство той Таганки — с Высоцким, Смеховым, Золотухиным — происходило на моих глазах. Я бы не мог восторгаться этим остротой свободы, если бы не Любимов...

Юрию Черниченко в свои 75 и стыдно, и больно

— Юрий Дмитриевич, кого пригласите к себе на юбилей?

— «Нырну» в свое родовое имение: им считая уже не принадлежащий России крымский Судак. Не будет никаких юбилеев и знаменитостей, а только самые близкие родственники. Постараемся переплыть Судакскую бухту. В 28 своих лет ее переплыл Велимир Хлебников. Он сказал, что в ней 3 версты. Но я в 65 лет переплыл — брат с невесткой тому свидетели, — насчитал 9 км. Пять часов был в плавании.

— И вы в свои годы рискнете?

— Обязательно поплыву и переплыву, чего бы это мне ни стоило! Потому что некролог "Утонул на 76-м году жизни и при морских купаниях" тоже чего-то стоит. (Смеется.)

Хлебников этот заплыв даже включил в свою автобиографию, хотя он коренной волгарь. А мы авось этой спортивной победой и отпразднуем день рождения...

— Как собираетесь отмечать юбилей?

— Никак. Быть знаменитым или стараться быть знаменитым некрасиво. Это погубило наш СПС и "Яблоко". Они хотели, как в том райковском тосте: "Чтоб у нас все было! Но чтоб нам за это ничего не было". Детей своих в Англию обучают, особняки имеют в Жуковке и на Николиной Горе, зарплаты ежемесячные пятизначные, в "зеленом исполнении"... "Меня, — говорят, — провалили на выборах — а я в банк уйду..." Не срам ли?

— Прямо так можно и написать?

— Так и напишите! Эта молодая, не знаю уж какая по счету, 2-я или 3-я “демократическая” волна разметала нравственный капитал академика Сахарова, Марченко, Любарского, Копелева, Синаевского и тех диссидентов, которые по крупицам его копили десятилетиями.

Сахарова, извините, насильно в задний проход кормили, чтоб прервать его голодовку! Он уже был нобелевским лауреатом. Анатолий Марченко подох в тюрьме, но так и не отрекся от своих убеждений... Эта жертвенность, готовность на все, включая собственную смерть, и отличает настоящих борцов за идеалы от гедонистов сядьмого дня, наслаждавцев жизнью.

— А есть обратные примеры?

— Полно! Александр Николаевич Яковлев — он в поте лица работает над 40-томным изданием о злодеяниях коммунистического режима

Ссылаться на себя дурно. Но крышу у меня на даче как была с 1978 года шиферной, так и осталась. Что я мог взять лично для себя, хотя был дважды депутатом, старейшиной в нашем сенате? Любимой мог меня спросить: откуда, мол, drovishki? Это же коррупция, растение души!

Нужно всячески сопротивляться коррозии золотого тельца — и тебе подадут. Я разделяю гордое слово Хрущева: "Мне-то подадут, когда я по Руси пойду!" — сказал он, имея в виду благодарность людей за то, что развенчал культ личности Сталина.

Думаю, мне тоже подадут. Хотя надеюсь, до этого дела не дойдет.

Демократы ищут причины провала. А они — в их стиле жизни.

— Вам бывает мучительно больно за годы реформ? Ведь вы один из тех “столпов перестройки”, за которыми в начале 90-х пошла страна, народ...

— И больно, и стыдно. На мой взгляд, страна возвращается в те времена, когда один

Часто вспоминаю Тютчева:

**Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!**

Его позвали всеблагие,
Как собеседника на пир.

Пир мне боги устроили, шикарный пир. Главный подарок судьбы — три дня у Белого дома в августе 1991 года. Это были дни счастья. В подвалах Белого дома я видел самого таинливого музыканта времени Ростроповича. Он ликовал душой и телом, он наслаждался той самой Россией. К России, которую мы потеряли, нужно отнестись и Россию того августа.

Такую державу я никогда не знал: радостные лица, поэты... Не мог же не поэт написать на витрине в магазине: "Забил заряд я в тушку Пуго"! Вспоминаю еще один слоган: "Кошмар — на улице Язов".

— После сельхозотдела “Правды” вас отправили в “ссылку” на телевидение?

— В 70-е годы среди средств массовой информации оно было последним из “коллективных пропагандистов и агитаторов”. А меня бросили на самую низовку — комментатором сельскохозяйст­венного телепередачи “Сельский час”. Эта программа на TV была после “Ленинского универ­ситета миллионов” и “Больше товаров — хоро­ших и разных”. Как правило, 20 минут спора о судьбе Нечерноземья между двумя вполне со­гласными друг с другом академиками ВАСНИЛ.

С 76-го года изездил весь СССР. Алла Пугачева в начале 80-х годов как-то громогласно заявила: "Да что там по телевизору смотреть? Кроме "Сельского часа" — ничего..."

— А почему сегодня нет “Сельского ча-
са”?

— Внеаграрность поразила все органы власти в нашей стране. Путин — чекист, с него спрос какой? Но в его окружении некому сказать и написать о сути сельхозпроизводства.

Тут уже спрос с президента. Подобрать министра, который хотя бы не железнодорожник по диплому (таким является Алексей Гордеев), — его прямая обязанность.

После выхода России на хлебные рынки мира, когда экспортировали 17 млн. тонн, хлеб в магазинах подорожал в два раза. Ежу понятно, что если продать зерно Западу, к примеру, на 1 млрд., а купить у него переработанные хлебные продукты на 3—4 млрд. — это же чистый конфуз!

Мне остается только разоблачать эту страшную антинародную политику Минсельхоза: по свертыванию своего животноводства, по рабству у Запада. Мол, если мы возродим своих сви-ней, коров, они нас в ВТО не пустят...

— Сколько вы книг про это, про землю и крестьян то есть, написали?

— 15. Основная вышла в 88-м, называлась "Хлеб". Потом книга в 20 листов — "Про картошку".

- Покупаются хорошо?
- Литература о фермерстве, о земле, к сожалению, спроса не находит. Две моих последних книги не распроданы. Думаю, это времен-

них книги не распроданы. Думаю, это временное заболевание общества. Тем взысканнее, востребованнее они будут. До появления второго Овечкина, который в свое время озаменовал переход общества от колхозной низкопробной

которая была на уровне современ-
еров, до настоящей публицистики.